

тех, кто еще в пути. Нас будет в десять раз больше, потому что каждый год в школе — это отдельная жизнь. Мы придем сюда со всеми своими жизнями, как приходят родители с детьми, и окно встретит нас тем особым светом, который проявляется лишь годы спустя».

Елена СЕВРЮГИНА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Василий Аксенов. Флегонт, Февруса и другие: Повесть, рассказ.

СПб.: Лимбус Пресс, 2023. — 320 с.

Не рассказ, не повесть, не роман, просто честный неторопливый — и очень красочный — отчет об одной случившейся поездке и рыбалке. Из сибирской деревни Ялань, что на левом притоке Енисея, реке Кемь (малая родина Василия Аксенова), главный герой с другом детства отправляются в старообрядческую деревеньку Колдунья, к родителям жены друга, чтобы порыбачить на правом притоке Оби — реке Кеть. Незамысловатый сюжет включил в себя богатую, многослойную русскую историю. Едут друзья от Ялани, бывшего Сретенского острожка, до Маковского, бывшего Маковского острога, далее до Колдуньи, основанной во время царствования Алексея Михайловича не стрельцами и не казаками, а крестьянами-переселенцами из Центральной России. И добираются друзья до Колдуньи волоком, пробитым в самом начале XVII столетия стрельцами. Этим волоком переправлялись когда-то грузы, почта, войска, переселенцы и ссыльные. По нему провезли на Байкал протопопа Аввакума с его детьми и верной женой Анастасией Марковной. Этим волоком шел казачий атаман и торговец мехами Дежнев, землепроходец Хабаров, окольный и воевода Лобанов-Ростовский с трехтысячным войском служилых... И еще много, много людей славных, знаменитых прошло по этому пути. «Все это, о чем только что было сказано, — сама история — душу тревожит, обволакивает, когда сюда ты попадаешь. Не удивительно. Живя в Ялани-то, мы и привыкли, все нам там кажется обычным. Да и следы тысячных войск и знаменитых первооткрывателей нами затоптаны давно — не различаем». Сюда, в далекую Сибирь бежали от никоновской реформы подальше от зоркого царского ока и царевой тяжелой руки в разные времена и последователи старой веры. В обширном районе есть все. «От поповцев, беспоповцев, поморских, часовенных, бегунов, голбешников, подпольщиков, скрытников, федоринцев и до каких-то дырочников, если такие существуют, а не выдумал их кто-то, как эльфов или хоббитов. Может, и хоббиты и эльфы существуют, я не знаю». И в деревне Колдунья издавна уживаются старообрядцы и никониане. Под Маковское, «прямо в сосновый бор, в лютые февральские морозы, во время коллективизации, был вывезен — из Сибири, что называется, в Сибирь — и мой дед Макей Дмитриевич Ершов-Русakov со своим многочисленным семейством, в том числе и с моей, тринадцатилетней тогда, матерью. Вывезено семейств было много. Из близлежащих сел и деревень. Назад вернулось мало. Моим довелось. Чтобы через год отправиться еще дальше — на комсомольскую стройку Игарки. Построили. И до сих пор стоит портовый город», — вспоминает главный герой повести, от лица которого введется рассказ. В. Аксенов с любовью, красочно описывает старинные добротные дома, рубленные из лиственницы. С нескрываемым удовольствием, с гордостью пишет о том, что и по сей день у нежилых домов стекла в окнах не выбиты, двери с петель не сняты, шифер с крыш не сдернут. И стоят они не-

разграбленные, а возле них — оставленные владельцами, уже вросшие в землю бороны, конные сенокосилки или грабли, сани, конные и тракторные, и телеги. «И никто их не *прихватывает*, не сжигает и на металлолом не сдает. И не потому, предполагается невольно, что нет поблизости пунктов приема, а потому, что нравы тут такие и устои: не тобой оставлено, не тобой и возьмется». И поныне можно оставлять без присмотра новенькие машины открытыми, с ключами в зажигании. С удовольствием Аксенов пишет о том, как жителям Колдуньи удалось отстоять свои беломошные боры от заезжих лесорубов. Сельчане выступили с ружьями наперевес — мужики, женщины, подростки — и защитили своего кормильца, который издавна давал им грибы, ягоды, дичь, орехи. А вот жителям родной для автора Ялани спасти свой вековой бор не удалось — то ли «оробели люди, *оскудели душами* (живут близко к городу, *размякли*), или отчаянного вожака у них не оказалось». Бор снесли под знаком как бы санитарной вырубki, оставили лишь клочок с кое-где сохранившимся черничником и брусничником. Красной линией проходит через повествование сравнение — вчера, до горбачевской несурзаицы, и сегодня. Пока здесь в советское время располагался леспромхоз, жизнь в Колдунье была ключом. Располагался здесь и аэродром — поляна ровная, без кочек. Приземлялись вертолеты Ми-1, пассажирский, Ми-4, почтово-пассажирский, и самолеты Ан-2, «кукурузники». Остались деревянное помещение диспетчерской да взлетная муравчатая полоса, которая самозабвенно ждет свои вертолеты и самолеты. Раньше и самолет в Маковское летал из Енисейска ежедневно, теперь два раза в месяц — вертолет, да и билет *кусается*. В вымирающей Ялани нет магазина, а было целых два, и два ларька еще вдобавок. Неспешно течет повествование. Главный герой порой выбирается на рыбалку, хотя, по словам гостеприимного хозяина, тестя друга, ходить на рыбу никак нельзя: и сулой (встречный ветер), и луна не в той статье, жаравь (журавль) утром кричал. Сам хозяин, Артемон Карпович, и его зять проводят время с медовухой в застольных беседах о прошлом и настоящем, в религиозных спорах, в обсуждении проблем насущных. Насельники Колдуньи — личности самобытные, характерные. Сам Артемон Карпович в 1943 году, будучи призванным в армию, бежал в леса: «Родина наша — вера истинная. Где вера наша, там и родина. А государство ваше, а не наше. Вот вы яво и засчисчайте. И вера наша запресчат нам в руки брать оружие». Был пойман, отсидел, вернулся в родную Колдунью. Среди героев и его неутомимая супруга, хлопотунья Ульяна Савватеевна, выставляющая на стол раблезианское угощение; «самозанятый» Флегонт, живущий дарами леса; необъяснимой русской красоты — «бела, высока, красива» — трудолюбивая Февруса. В. Аксенов щедро включает в текст местный, сибирский говор, что делает еще колоритнее огромный сказочный мир издавна обжитой русским людом Сибири. Подлинный русский мир, могучий мир, где Русью пахнет. В книгу также включен рассказ «Ветреным днем девятого мая», действие которого происходит в тех же местах.

Александр Казинцев. Возвращение. М.: Вест-Консалтинг, 2021. — 120 с.

Александр Казинцев (1953–2020) — уникальное явление современной литературы. Острый публицист, глубокий мыслитель, замечательный поэт и литературовед, редактор, который 40 лет проработал в журнале «Наш современник». В эту книгу вошли статьи о Блоке, Пастернаке, Заболоцком, Ахматовой, Мандельштаме... Размышляя о творчестве поэтов в контексте их времени: исторические события, житейские ситуации, общественное сознание, умонастроение людей других эпох, — А. Казинцев сосредотачивается на одном общем для этих поэтов стремлении. А именно — на их стремлении к единению с народом и со своей землей. Выбор такого ракурса не случаен: все пертурбации последних десятилетий требовали от критика осмысления места

творца в бушующем мире. Идея народности становится для Казинцева магистральной идеей. В статье «Несвоевременный Катенин» критик утверждал, что сам «опыт беды», (в данном случае войны 1812 года) «учил единению с народом». П. Катенин (1792—1853) оказался хорошим учеником: он пытался примирить два, казалось бы, противоположных начала — индивидуализм и народность — и нашел ответ, обратившись к неисчерпаемому богатству народной культуры, наделяющей человека творческой свободой. Но, герой 1812 года и участник первых тайных обществ, один из самых талантливых поэтов Золотого XIX века, блестящий знаток театра, переводчик-драматург, воскресивший, по слову Пушкина, «Корнеля гений величавый», он был объявлен современниками «несвоевременным». Как персонификацию целого столетия, как завершения линии исторического развития, воплощенной в одной конкретной человеческой судьбе, рассматривает Казинцев жизнь и творчество Блока, соединившего и в жизни, и в творчестве родовое (вековое) и индивидуальное начала («Жертва вечерняя»). Центром блоковского мира критик называет усадьбу в Шахматове — «она не была родовым поместьем, но Блок здесь вырос, сажал и вырубал деревья, скакал на лошади, жил на земле». Родная земля Блока — это «не наши обезлюдившие на много километров просторы, а земля населенная. Земля соседних деревень и усадеб, сельских погостов и церквей. Согретая молитвой, одухотворенной песней в поле, оживленная цоканьем копыт скакуна. И больше того, земля, которую объемлет, сберегает, украшает мысль о ней жителей этих усадеб и сел. Мысль, рожденная ею же, почвой». И именно Шахматово выпестовало не только поэзию — мысль Блока. А. Казинцев прослеживает три центральные темы в творчестве Блока. Россия и Запад — это «Скифы», «Стихи о России», многие письма, дневники. Народ и интеллигенция — об этом вся публицистика. Самоопределение личности — множество стихов и, конечно, «Возмездие». И еще одна пронзительно звучащая тема века, многократно повторенная в творчестве Блока: тема неравенства и его устранения, тема вины и возмездия. Мощным дыханием народной жизни проникнуто, по мысли Казинцева, творчество всех крупных советских поэтов середины XX века. Проблема отношений художника и народа в годы войны и в послевоенное десятилетие, произведения поэтов, активно работавших в этот период, не раз оказывались в центре исследований. Однако творчество таких поэтов, как Пастернак, Ахматова, Заболоцкий, констатирует Казинцев, с этой точки зрения почти не рассматривалось, и восполняет этот пробел («Я наблюдал, боготворя...». Художник и народ в поэзии середины XX века). Он считает, что субъективное переживание кровной близости с миллионами сограждан в стихах этих поэтов делает поучительным обращение именно к их творчеству. А. Казинцев вместе с О. Мандельштамом проходит весь путь — от ранних сочинений, бесхитростно запечатлевших растерянность юного поэта перед желтыми громадами Петербурга, до «Стихов о неизвестном солдате». Время испытаний и время зрелости, предчувствия поэта, причины гибели. Казинцев показывает, из какой купели вышла поэзия Мандельштама — «обновленная, мужественная, и появилась в ней простота, не только строгость формы, но стала ощутимой прочная связь с жизнью народа, земли». Русской земли («Я — русский поэт». Вступительная статья к книге «Стихотворения» О. Мандельштама). Последним романтиком критик называет поэта Игоря Киселева (1933—1981), основной, излюбленной темой которого была «жизнь природы — близкой, незащищенной — деревьев на загазованном бульваре, рощицы на окраине, обреченной пойти под нож бульдозера, оврага, превращенного в городскую свалку, жизнь травы, коней» (Вступительная статья к книге «Под солнцем и несчастьем»). Статьи Казинцева, написанные великолепным языком, свободно и убедительно, особенно актуальны сейчас, когда с новой силой встал вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» Конечно, в своих статьях критик выходит далеко за пределы одной темы, но именно она — осознание великими русски-

ми литераторами разных эпох и периодов своей общности с русской культурой, народом и землей — звучит сегодня особенно остро. А разве не актуальны вопросы, поднимаемые Казинцевым в статье «Вдохновенная ошибка», посвященной «Пушкинской речи» Ф. Достоевского? Казинцев оспаривает тезис Достоевского о всемирной отзывчивости и всемирных устремлениях русских, констатируя, что ошибочные тезисы порождают и ложные цели. Достоевский видел назначение русского народа в том, чтобы «внести примирение в европейские противоречия». Но, возражает Казинцев, просили ли нас европейцы об этом? Кроме того, в XIX веке, когда европейские страны десятилетиями враждовали из-за клочка земли, такое «примирение» было невозможным. Оно состоялось в XX веке после двух мировых войн, и Европу объединила не нравственная проповедь, а материальная выгода общего рынка. Да и «единение» Европы во многом основано на антироссийской платформе. «Возможно, не стоило бы напоминать об ошибке Достоевского, если бы не великий соблазн, который для русского слова кроется в словах о нашем всемирном предназначении... Не разумнее ли нам заниматься своими проблемами, своими нуждами, самими собой, не воспалаясь по поводу Европы (в нынешнем варианте — Запада; или Востока — в котором многие пытаются разглядеть нашего спасителя)». И вслед за Н. Данилевским Казинцев советует смотреть на европейские дела и поступать с нашей, особой русской точки зрения, оценивая, препятствуют или содействуют эти дела нашим интересам. С этой книгой состоялось двойное возвращение: Александра Казинцева и героев его статей.

Лувэй Цзоу, Мария Михайлова. Женская линия в русской поэзии до и после А. А. Ахматовой. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. — 204 с.

Лувэй Цзоу и Мария Михайлова, прочерчивая женскую линию в русской поэзии, центральной фигурой делают Анну Ахматову. Ей, по мнению авторов, принадлежит особое место в истории русской женской лирики: изображая внутренний мир своей лирической героини, она возвела психологизм русской литературы на новый уровень, обогатила творческую практику акмеизма и — шире — всего русского модернизма. Вступая в литературу, в своем творчестве Ахматова руководствовалась философско-эстетической теорией акмеистов, выдвинутой ими в противовес символизму. Отвергнув «символ», основой акмеисты посчитали «звук», «краску», «форму», самоценность реальных явлений. В художественной системе Ахматовой реализовался «сплав» внутреннего и внешнего мира, где именно «вещные» образы дают ключ к переживаниям, к психологии лирической героини. Авторы сосредотачивают внимание на ранней любовной лирике Ахматовой начала XX века, где ярче всего проявилось ее психологическое новаторство. На этом малом пространстве она показала все возможности психологического напряжения и богатства личности, продемонстрировала диапазон женских душевных переживаний, рождающихся в большинстве случаев в связи с трагизмом любовного чувства во время исторических катаклизмов. Отличаясь большой откровенностью и «простотой», лирика Ахматовой «предложила» новые возможности для выражения сокровенных импульсов женской души, в том числе непредсказуемость реакций и ощущений лирической героини. Истоки психологизма ранней лирики поэтессы авторы обнаруживают в XIX веке. И доказывают, что в качестве ориентира Ахматовой были выбраны Ф. Тютчев и, предположительно, Е. Ростопчина как наиболее яркие выразители «мужской» и «женской» линий в поэзии. У Тютчева она восприняла тонкость и глубину в передаче любовных переживаний, умение посмотреть на ситуацию со стороны, его взгляд на любовь как «роковой поединок». Однако изображение этого «любовного поединка» у двух поэтов сильно разнится: если у Тютчева в поединке погибает тот, чье сердце «нежней» — и это женщина, не перенесшая

обрушившихся на нее страданий, то лирическая героиня Ахматовой выходит из поединка несломленной, обретает опыт и учится находить радость в творчестве и в познании жизни. Сходство лирики Ахматовой и Ростопчиной в том, что обе стремятся передать женские переживания, но конкретные способы выражения этих душевных движений разнятся, как и сами облики лирических героинь. Ростопчина выступает от лица женщин дворянского круга вследствие воспитания скрытных, сдержанных в проявлении чувств. А Ахматова пишет о конкретных смятенных чувствах героини, чей статус не обозначен, но ее качества — откровенность, страсть, независимость и своеволие. Эстафету раскрытия психологического состояния лирической героини Ахматова принимает у М. Лохвицкой (1869—1905), наделившей своих героинь различными обликами, но сосредоточившейся в основном на изображении тайных страстных желаний. Самыми яркими в наследии Лохвицкой считаются «Песни греха и страсти». Ее обвиняли даже в неподобающем для особы женского пола бесстыдстве. В жизни она была скромной, сдержанной женщиной, домохозяйкой, а в поэтическом мире — страстной любовницей. Она, по сути, первая русская поэтесса, которая начала конструировать облик лирической героини, коренным образом отличающийся от реально существующего. И именно это подхватила Ахматова: ее лирическая героиня тоже разительно отличалась от реальной Ани Горенко. Ранняя лирика Ахматовой вызвала поток подражаний ее стихам, целое направление, чуть ли не определившее всю женскую лирику в 10-е годы XX века. Появилось даже такое понятие, как «подахматовки». Одним из подражательниц удалось воспроизвести ахматовский поэтический мир только поверхностно, а другие, начав с подражания внешней манерности, пытались освоить ее открытия и даже «преодолеть» Ахматову, создавая собственный стиль. Наиболее характерными среди последовательниц, по мнению авторов, являются Л. Копылова, Н. Львова, В. Инбер. В своих стихах они тоже использовали бытовую деталь, воспроизводили легкую эротичность и одновременно отрешенность от земного своих лирических героинь. Сравнительным характеристикам творчества этих поэтесс с творчеством А. Ахматовой посвящены отдельные главы, в которых рассматриваются проблемы подражания, заимствований, сближений и отталкиваний. Свой анализ авторы проводят, обращаясь к конкретным стихотворениям. Библиография привлеченных ими литературоведческих работ (цитаты, ссылки) занимает более десяти страниц. Самостоятельный интерес представляет приложение: «Восприятие личности А. А. Ахматовой и ее творчества в Китае». Первое знакомство с творчеством Ахматовой в Китае состоялось в конце 1920-х годов. Отношение к ней менялось в зависимости от политической ситуации в России и в Китае. Так, постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» в конце 40-х годов надолго сделало творчество Ахматовой неприемлемым для народа, строящего коммунизм. Подлинное «открытие Ахматовой» произошло в Китае только в 80-е годы XX века, подлинный бум «ахматоведения» случился на рубеже XX—XXI веков. В приложении рассказывается о сборниках стихов Ахматовой, вышедших в Китае, о посвященных ей литературоведческих и биографических исследованиях. Особо в Китае чтут Ахматову за ее вклад в знакомство русских читателей с древней китайской поэзией. Это она сделала первый перевод на русский язык древней поэмы Цюй Юаня «Лисао», это в ее переводах сохраняют свою глубину стихи Ли Бо и Ли Шанъинь, в которых раскрываются духовные истоки китайской нации. Стихи Ахматовой китайские исследователи сопоставляют со стихами древней китайской поэтессы Ли Цинчжао.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства за предоставленные книги